

Тамара Морщакова: «По принципиальным вопросам я буду всегда настаивать: “Карфаген должен быть разрушен!” Иначе я не работала бы в Совете»

Тамара Георгиевна Морщакова (родилась 28 марта 1936 года в Москве) – российский юрист, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. В 1991–2002 годах – судья Конституционного Суда Российской Федерации. Окончила юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. Профессиональные интересы – судебная власть, уголовный процесс, социология и психология правосудия, конституционный судебный контроль, сравнительное правоведение. Занималась исследованием судебных ошибок и их причин. Принимала участие в разработке Конституции Российской Федерации, Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также проектов Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федерального закона «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации».

Заведующая кафедрой судебной власти и организации правосудия ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”». Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председатель постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе, входит в состав постоянных комиссий по прецедентным делам и по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами. В ходе «Сенатских слушаний» в октябре 2009 года выступила с критикой укрепления вертикали судебной власти и острой конкуренции между тремя высшими судами РФ. В 2010 году выступила с инициативой проведения независимой экспертизы второго дела «ЮКОСа», что было поддержано тогдашним президентом Дмитрием Медведевым. Доклад экспертов был представлен Морщаковой 21 декабря 2011 года на Совете по правам человека при Президенте РФ с выводом о том, что приговор Ходорковскому и Лебедеву следует пересмотреть, так как в ходе разбирательства были допущены «фундаментальные нарушения», свидетельствующие о судебной ошибке. Награждена Премией имени д-ра Гааза за 2005 год. Автор более 200 работ и переводов ряда законов ФРГ.

Ред. Тамара Георгиевна, ваше обучение в Университете и аспирантуре пришлось на годы после XX съезда. Какое тогда давали представление о правах человека?

Т.М. Да, это уже была оттепель. Но и юстиция по товарищу Вышинскому была всем еще памятна. Мне повезло. В аспирантуре я попала к Михаилу Соломоновичу Строговичу; это был уникальный человек, блестящий ученый, классик в области уголовно-процессуального права, теории права, юридической логики. И он теоретически отстаивал права человека, прежде всего в сфере уголовного судопроизводства, которая в связи с возможностью осуждения невиновного всегда чревата повышенной опасностью. Именно поэтому в ходе уголовного преследования права человека детально и широко защищаются международным правом — этому посвящена значительная часть международных актов в области прав человека, ссылки на которые тогда, во времена М.С. Строговича, не были популярны. Он же отстаивал идею презумпции невиновности, даже когда принцип состязательности сторон не признавался. Махровым цветом цело возвращение дел судом на дополнительное расследование — то, что в усеченном виде и сейчас, несмотря на законодательные запреты, практикуют суды, способствуя следственным органам в исправлении их огрехов — вместо того, чтобы оправдывать незаконно привлеченных к ответственности.

Из учебного курса Строговича, изданного в 1960 году (четыре года уже прошло после XX съезда), в последний момент изъяли, буквально вырезали из тиража книги, страницы о презумпции невиновности. Это-де буржуазный принцип, несовместимый с советским уголовным процессом. Не остановило исполнителей даже то, что автор — признанный мировой научный авторитет, член-корреспондент Академии наук СССР. И все-таки он не устал говорить и писать о правах человека, о состязательности и праве обвиняемого на защиту. Ученики Строговича становились его последователями в отстаивании концепции прав человека.

В науке уголовно-процессуального права это было органично, хотя постоянно велась дискуссия о том, какая цель уголовного процесса должна быть поставлена на первое место — наказание виновного или оправдание невиновного. Но если не исключается наказание невиновного — из-за непрофессионализма, незаконности преследования или неудач следствия, то недостижимо и наказание виновного. Вместо него будет наказан невиновный. Приоритет и состоит в том, чтобы не допустить это.

Понимание первоочередности прав человека было для меня ключевым, еще когда я занималась в аспирантуре сравнением уголовного судопроизводства в двух германских государствах. Надо сказать, что даже в ГДР ситуация в этом смысле была намного благоприятней, чем в СССР: защитник всегда участвовал в процессе, вопрос об аресте решался судом, а не прокурором. В связи с этим кажется интересной известная переключка времен. Истоки послевоенного германского регулирования обнаруживали наследие не только Веймарской Республики, еще немецкие Уставы в конце XIX века восприняли многое из знаменитых российских Уложений и Уставов 1864 года, реформы императора Александра Второго. В Германии эта классическая основа сохранялась, чего нельзя было сказать о советской юстиции, где доминировало — и в нормах, и на практике — представление, что суд, решая общие задачи с органами обвинения, не может не занимать активную позицию. И суд нередко солидаризировался с обвинением; правило о толковании сомнений, как и презумпция невиновности, не действовали. Сейчас это конституционные принципы. Хотя на числе оправдательных приговоров их конституционное закрепление, к сожалению, не отражается — оправдывают менее одного процента подсудимых, что значительно меньше, чем даже в советских судах.

Ред. Вы же занимались очень «правозащитной» тематикой в связи с исследованием судебных ошибок.

Т.М. Да, в составе серьезного коллектива академического Института государства и права — им тогда руководил академик Владимир Николаевич Кудрявцев. Идею поддержал председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Григорий Захарович Анашкин. Были привлечены социологи, что тогда еще не практиковалось. Среди судей распространяли анкеты. 25% судей подтвердили (дело было в 1967-1968 годах), что на них оказывается давление. Исследовалась психология судебных ошибок. Использовались данные по НОТ — научной

организации труда. Создавался социальный портрет советского судьи: средний заработок, служебная нагрузка, обеспеченность жильем и т.д. Провели корреляционный анализ этих характеристик и результатов судебной работы – оказалось, что они взаимосвязаны.

Выяснялось соотношение официальных и реальных возможностей для исправления судебных ошибок, сколько вынесено обоснованных приговоров, сколько приговоров отменяется в ординарном кассационном и исключительном надзорном порядке. Ведь жалобщик, например, добиться по своей надзорной жалобе начала производства не мог. Сама по себе жалоба не была импульсом, чтобы начать надзорную проверку решения суда: требовалось его опротестование руководителями вышестоящих судов и прокуратуры. Кстати, сейчас эта практика, по сути, во многом возрождается.

Ред. Но в целом это исследование было прорывом?

Т.М. Да, если исходить из того, что статистические и социологические методы исследования были уникальны, была широко изучена не только актуальная практика по стране, но и в ретроспективе – монография вышла в 1970 году, аккумулировав материал за 30 лет. Однако это было служебное издание, с грифом «ДСП» и тиражом – полторы тысячи экземпляров.

Ред. Но потом-то оно было востребовано?

Т.М. Два тома книги – абсолютный раритет, есть электронная версия в личной библиотеке. А авторы оказались востребованными. В 1988 году появилась серьезная публикация в «Известиях» о необходимости судебной реформы. В 1992 году ее концепцию, в составлении которой участвовали и исследователи судебных ошибок, утвердил уже Верховный Совет РСФСР. Суды тогда были в жутком состоянии, даже на судебные повестки денег не было, хоть закрывай учреждение. Депутаты это все-таки осознали, потом многие положения концепции вошли в Конституцию 1993 года. А импульс был дан, в частности, результатами работы, о которой я рассказала.

Ред. Вы же стояли у истоков нашего Конституционного Суда?

Т.М. Как сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения я в 1991 году писала отзыв на первый проект Закона о Конституционном Суде. Постановка вопроса была ориентирована на разные варианты: либо государственный суд решает спор между государственными органами, либо следует в этот процесс допустить и граждан. Институт был за второй вариант, я бы сказала, более правозащитный вариант, он и прошел в Верховном Совете РСФСР. Это была удача. Там, где граждане не участвуют в инициировании процесса, там и суды, как показывает практика нынешних аналогичных судов в субъектах РФ, скучные и малозначимые. Мировой опыт тоже это подтверждает (так, в частности, долгое время было во Франции, потом эту проблему решили в пользу допустимости жалоб граждан, что сыграло явно положительную роль в повышении эффективности и авторитета конституционного контроля).

Второй, представленный президентом страны, Закон о Конституционном Суде РФ 1994 года, который разрабатывался при участии судей КС, тоже исходил из права граждан на доступ к Конституционному Суду, и даже включил в предмет жалобы гражданина не только правоприменительную практику, но и сами законодательные нормы. Это повышало, конечно, правозащитный потенциал конституционного правосудия.

Ред. Судьи Конституционного Суда разошлись в оценке Указа № 1400 в 1993 году?

Т.М. Говорят, что Указ № 1400 приостановил деятельность Конституционного Суда, но деятельность органа, не соответствующего нормам новой Конституции, нельзя было ни продолжать, ни приостановить. Содержательно вопрос мог решаться только на основе переходных положений к Конституции. Указ свидетельствовал об этом, хотя его можно было и не издавать, если бы речь не шла о практической реализации многих задач конституционной реформы. Ряд судей еще до появления этого Указа высказали свое мнение о том, что они не могут разрешать споры между ветвями власти, пока для этого нет соответствующей правовой базы.

Отвлекусь, чтобы привести пример. В 1992 году в Конституционном Суде шло разбирательство в отношении газеты «Известия». Еще действовала статья 104 старой Конституции о всеилии Съезда народных депутатов, который мог принять к рассмотрению любой вопрос, не обеспечивалось разделение ветвей власти плюс существовала на тот момент 6-я статья, утверждавшая руководство, верховенство только одной партии^[1] – а какие еще были? Верховный Совет сам определил и распределил имущество бывшей газеты – тогда все считалось предметом государственного ведения, хотя журналистский коллектив учредил по существу новую газету и не мог быть лишен такого права. В итоге суд все-таки защитил право журналистского коллектива на самоорганизацию и имущество – при отсутствии нового законодательства, соответствующего провозглашенным в Декларации о суверенитете России правам и принципам. Для решения многих правовых вопросов не было тогда достаточной нормативной основы, тем более нельзя было Конституционному Суду продолжать свою деятельность, пока его состав и полномочия не были приведены в соответствие с новой Конституцией.

Ред. О том, что в том напряженнейшем сентябре 1993-го создавалась Комиссия по правам человека, вы знали?

Т.М. Конечно, и я, и мои друзья это приветствовали. Все понимали, что это очень важный институт. Страна же была по стандартам в области защиты прав в нулевом состоянии. И на этой основе в то время расцвели возникшие ранее правозащитные институты гражданского общества: и «Мемориал», и Московская Хельсинская группа. Большую роль, конечно, играл личный авторитет Сергея Адамовича Ковалёва. Тогда к нему – депутату Верховного Совета, известному диссиденту и правозащитнику – не могли не прислушаться.

Ред. Тамара Георгиевна, поддержав президента Ельцина в 1993 году, вы вскоре выступили против него по чеченскому вопросу?

Позиция

«Когда независимость правосудия не признается, государство будет постоянно находиться в состоянии многостороннего кризиса. Отсутствие независимого правосудия уничтожает содержание и смысл права. Правовой идеал, если он применяется избирательно, – это уже никакой не идеал. Да, иногда приходится оправдать «преступника», как бы это кому-то ни казалось очевидно неправильным, оправдать только потому, что в поисках доказательств преступного поведения мы были неудачны, незаконны, неуспешны. Нет другого пути к справедливости, к тому, чтобы в других ситуациях не был осужден не преступник, а невиновный, чтобы в таком положении не мог оказаться каждый. Другого пути нет».

Из выступления на конференции «Российские альтернативы», 10 июля 2007 г.

Т.М. Я в целом оставалась его сторонницей. Но тут шла речь о компетенции государства в области ограничения прав и свобод. Они могут быть ограничены только федеральным законом, а в Указах президента по Чечне были сформулированы нормы, которые ограничивали права и свободы. Против этого я возражала в своем особом мнении. Но я была против и позже, когда Госдума начала попытки импичмента, используя именно чеченский вопрос. Хотя сами же депутаты ранее настаивали на введении чрезвычайного и военного положения, на использовании вооруженных сил; иного решения они не видели, но и необходимые для этого законы не приняли. Поэтому и представлялось, что Дума, настаивая на импичменте, оспаривает по существу компетенцию

президента, и я была против допустимости их обращения в Конституционный Суд в этой процедуре, никакой логики – с точки зрения содержания их требований – в действиях депутатов не было.

Ред. Как вы попали в Совет по правам человека?

Т.М. Меня пригласила Элла Памфилова. Мы не были близко знакомы, но она мне запомнилась выступлением на Съезде народных депутатов СССР против Гдляна и Иванова. Они ведь как следователи по уголовному «узбекскому делу» доходили до организации террора против местного населения. Когда депутаты рассматривали эту их деятельность, Памфилова – она была депутатом и участвовала в заседании Съезда – стукнула (в буквальном смысле слова) кулаком по трибуне и потребовала: или доказательства на стол, или прекратите безобразия. Ведь по тому делу следователи допустили очень много нарушений законности.

Обо мне же она знала как о судье Конституционного Суда РФ, которая ушла в отставку. Лично просила меня и обосновала свою просьбу так: надо делать что-то в сфере правосудия, а где юристы и общественные деятели, защищающие права человека?

Я дала согласие, предполагая, конечно, заниматься судебной реформой и защитой прав человека в сфере правосудия.

Документ

«6 ноября 2004 года – Комиссия преобразована в Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председателем Совета назначена Элла Памфилова. Состав Совета увеличен до 33 человек, прежде всего за счет включения в него видных представителей российской интеллигенции и правозащитного сообщества: Валерия Абрамкина, Людмилы Алексеевой, Светланы Ганнушкиной, Алексея Голованя, Иды Куклиной, Тамары Морщаковой, Олега Орлова и других».

Из информационной записки «Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 7 мая 2012 г. – 7 мая 2014 г.

Ред. Расскажите подробнее, пожалуйста.

Т.М. СПЧ начал разрабатывать предложения по совершенствованию судебной деятельности. Эти предложения мы представили президенту, но в основном они не были реализованы. Вообще, деятельность Совета именно в этой сфере, как ни обидно и ни печально, наименее эффективна. Проблема в том, что нашу судебную систему надо не реформировать, ее надо, по сути, создавать. Еще до принятия Конституции 1993 года был разработан Закон о статусе судей. Он создавал основу для независимости суда, предоставлял широкие гарантии, судей освобождали от партийно-государственного ига. Закон был воспринят судьями с энтузиазмом, они хотели быть независимыми, надеялись, что теперь ничто не будет мешать им выносить справедливые решения – по закону и совести, как гласит присяга судьи. Появились арбитражные суды, суды присяжных, которые судьи восторженно приветствовали.

Но скоро связанные с этими изменениями надежды растаяли. Сначала ввели, а вскоре сократили (с пяти до трех лет) срок первоначального назначения судей, а дальше можно было уже и просто не назначить без объяснения причин. Понятно, что принцип несменяемости судей был фактически отвергнут. Судья же должен был себя вести соответственно – чтобы потом опять назначили. Было заложено много нехорошего и в так называемую последующую реформу Д. Козака: ничем не ограничиваемая (ни основаниями, ни сроками) дисциплинарная ответственность судей, а также

административная ответственность, которой по прежнему Закону 1992 года они не подлежали, чтобы милиция, следствие, прокуратура не могли это использовать для давления на суд.

Далее было введено назначение председателей всех судов на шесть лет с возможностью повторного назначения или неназначения. Значит, опять следовало стараться соответствовать. Варианты выборов руководителей судов самими судьями (как и их ротация) упорно отвергались, несмотря на то что с 1994 года такой порядок был опробован в Конституционном Суде РФ и высоко оценивался экспертами.

Документ

«Продолжая начатую Комиссией по правам человека работу в области создания в России ювенальной юстиции, председатель Совета Элла Памфилова обратилась к Президенту Российской Федерации с письмом о поддержке проекта Федерального конституционного закона № 38948-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон 'О судебной системе Российской Федерации'» в части введения ювенальных судов.

<...>

Дети – самая незащищенная и самая уязвимая часть населения России. Нужно создавать правовые механизмы на основе ювенальной юстиции, профилактики, реабилитации, системы защиты прав детей...

На правах эксперимента ювенальные суды уже открыты в Ростовской и Брянской областях».

Из Краткого обзора деятельности Совета за 2002–2008 гг.

СПЧ неоднократно выдвигал предложения, которые исходили из необходимости устранения искажений в судебной системе. Отстаивались проекты, направленные на расширение применения суда присяжных, введение судов по делам несовершеннолетних, выделение (на условиях ротации) судей, которые на стадии расследования рассматривали бы жалобы на нарушение прав при его производстве (следственные судьи), предлагалось внедрить механизмы для взаимного контроля в системе правоохранительных органов и т.д. Есть предложения СПЧ по совершенствованию практики и условно-досрочного освобождения, и освобождения по болезни, и помилования. Совет занимался разработкой проектов амнистий.

Однако как на уровне правоохранительных органов, так и на уровне Государственно-правового управления Президента предложения чаще отвергались или приобретали совсем иной характер. Не приняты меры, противодействующие зависимости судей от председателей судов, в значительной степени выхолощены предложения СПЧ по расширению суда присяжных. Увяли институты условно-досрочного освобождения и помилования. Продолжается практика необоснованного заключения под стражу. Не принимаются меры по обеспечению независимого судебного контроля за следствием, в то время как и прокурорского надзора за ним почти нет. До сих пор вызывает сопротивление с очевидностью необходимое обязательное аудиопотоколирование судебных заседаний, позволяющее обеспечить объективную процессуальную проверку судебных актов и исключать фальсификацию протоколов судебных заседаний.

Позиция

«Совет на самом деле представляет гражданское общество. Он, по идее, должен быть передаточным механизмом от гражданского общества главе государства, чтобы глава государства представлял себе позиции гражданского

общества по разного рода вопросам, отнюдь не только по таким, как судебные процессы. Вся палитра тех проблем, которые рассматриваются Советом, даже не может быть здесь обозначена. Это очень много: от экологии до проблем защиты детей. Очень большой диапазон. И Совет не нуждается в каких-то особых заказах, он реагирует именно на потребности общества».

Из выступления на радиостанции «Эхо Москвы», 22 февраля 2011 года

Ред. Вы рисуете совсем уж мрачную картину.

Т.М. Повторю, в сфере моей работы по линии СПЧ ситуация не меняется или меняется очень медленно. Иногда, конечно, СПЧ удается с помощью заключений на законопроекты добиться учета своих замечаний в парламенте.

Ред. Но то, что вы так заинтересованно и предметно говорите, свидетельствует скорее о том, что вы всё не бросаете?

Т.М. Конечно. Я, кстати, с удовлетворением отмечу, что все позитивные моменты в работе Совета Михаил Александрович Федотов делает достоянием журналистов, люди узнают о них. Что же касается меня, я всегда готова работать для успеха нашего безнадежного дела. Поучителен образ лягушки, которая, попав в молоко, стала лапками бить и в результате выбралась на поверхность. По принципиальным вопросам я буду всегда настаивать: «Карфаген должен быть разрушен!» Иначе я не работала бы в Совете.

[\[1\]](#) Статья 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС была отменена Законом СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1.